

Известия. - 1993 - 17 июля - с. 13
Сергей КРАЮХИН, «Известия»

Когда совсем недавно в руках старшего научного сотрудника Пушкинского Дома, кандидата филологических наук Владимира Николаевича Запелова оказалась книга «Тихий Дон», он глазам своим не поверил. Потому как на обложке стояло не привычное уже имя Михаила Шолохова, а донского прозаика и публициста Ивана Родионова. Правда, и год значился более ранний, нежели вышла в свет шолоховская эпопея: 1914-й. Об этой книге, которая существует в Петербурге только в двух экземплярах, по странному стечению обстоятельств не ведёл до сих пор никто.

В трехтомном «Казачьем словаре-справочнике» (Сан-Ансельмо — Калифорния, 1970) И. А. Родионову уделено всего несколько строк, причем напутаны даты жизни и смерти писателя. Сведений о начальной поре этого русского литератора, выходца из казачьей среды, нет. В годы первой русской революции подъяесаул Родионов командовал казачьей сотней, усмирявшей бунтовавших рабочих в Новгородской губернии. Вскоре после этого он вышел в отставку, женился на А. А. Кованько, дочери заводчицы, и поселился в имении Устье. Получив должность, служил земским начальником в Боровичах. Близкое знакомство с помещиком, председателем Государственной думы М. В. Родзянко (который был соседом Родионова по имению), иеромонахом Илиодором (в миру — С. М. Труханов, донской казак) и епископом Гермогеном помогло будущему писателю обрести широкие связи с церковными и сановными кругами Петербурга. Родионов был даже представлен царской семье.

Характерный эпизод из жизни Родионова, запечатленный в мемуарах М. В. Родзянко, говорит не только о политических пристрастиях писателя, но и о его крутом нраве и мужестве. Намекаясь отстранить пользовавшегося безграничным влиянием при дворе своего покровителя Распутина, Илиодор собрал компрометирующие старца сведения и организовал заговор, к которому примкнули епископ Гермоген, юродивый Митя Козельский и Родионов. 16 декабря Гермоген вызвал к себе на квартиру Распутина и при участии разговорщиков «стал увещивать его грязные дела и увещивать его, убеждая добровольно покаяться и уйти из царского дома... Распутин дерзко и нагло возражал негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутин, обозвав последними словами преосвященного, наотрез отказался

подчиниться требованиям епископа и пригрозил ему, что разделается с ним по-своему и разделает его... Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин покончит с владыкой, Родионов выхватил шашку, поспешил к остальным присутствующим на выручку. Распутин вырвался и убежал» (Родзянко М., Крушение империи, 1929).

Втянутый в орбиту закулисных интриг, Родионов, в меру своих сил и возможностей, продолжал борьбу против Распутина, оказывая всяческое содействие его противникам. Когда Родзянко потребовал материалы для доклада о Распутине, Родионов предоставил ему письма императрицы и великих князей к старцу, изъятые у того Илиодором на квартире Гермогена.

Выстраивая в целостную биографию отдельные факты и события из жизни И. А. Родионова, Владимир Запелов проследил его ослепительный литературный взлет от полнейшей неизвестности до европейской писательской славы. Первое выступление начинающего литератора в печати связано с «Казачьими очерками», опубликованными в 1894 году в журнале «Русское обозрение». Этот писательский дебют остался незамеченным, но зато написанная по горячим следам первой русской революции повесть «Наше преступление» (Не бред, а быль) с подзаголовком «Из современной народной жизни» принесла автору неожиданную и шумную известность. Книга появилась в изда-

тельстве А. С. Суворина в 1909 году и в течение следующего года выдержала пять изданий, была переведена на европейские языки. По инициативе А. Ф. Кони повесть «Наше преступление» выдвигалась на соискание Пушкинской премии. Причиной небывалой популярности сочинения Родионова у читателей был, пусть и несколько односторонний, но трезвый взгляд писателя на происходящие события, на

хранение традиционного мироустройства России, традиционных ценностей народной жизни. Сквозным мотивом родионовского «Тихого Дона» становится утверждение, что казачество всегда было опорой России и что казаки испокон верой и правдой служили монарху и православной вере.

Роковой ошибкой правительства считает Родионов «расказачивание», заселение Донской

года Родионов бежал на Дон, в столицу Войска Донского Новочеркасск. Там он редактировал газету «Донской край», а в следующем году вместе с Корниловым совершил знаменитый Ледяной поход, что отразил в книге «Жертвы вечерние. Не вымысел, а действительность» (Берлин, 1922).

После разгрома Белого движения писатель оказался в эмиграции. Жил в Берлине, переиздал «Наше преступление». В новом предисловии к этому своему раннему сочинению он отмечал: «Увы, все то, чего я всю жизнь боялся, что в моем сознании логически и неизбежно вытекало из результатов пристальных наблюдений моих над народной жизнью, что страшными призраками вставало передо мной в бессонные ночи, что пугало меня в вещих снах, чего я с трепетом ждал, о чем предупреждал и молился, чтобы «минула нас чаша сия», то самое ужасное, незаконное, безобразное, прежде даже невообразимое — теперь уже свершившийся, неотразимый факт...»

Почил Родионов в возрасте 74 лет, прожив последние годы в страшной бедности. Похоронили его на православном кладбище немецкой столицы (район Тегль). Сохранившаяся доныне надпись на скромном могильном памятнике гласит: «Родионов Иван Александрович, Полковник». Чуть ниже — даты жизни и смерти: «20.10.1866—24.1.1940». Остается гадать, почему на памятнике не нашлось места для слов «русский писатель».

О Родионове вспомнили в связи с очередным всплеском страстей вокруг шолоховского «Тихого Дона», возведя его в ранг претендентов на авторство романа. Правда, такими незаслуженными лаврами могли увенчать почившего в эмиграции писателя только те, кто совершенно не знает ни его биографии, ни того, что перу его принадлежат самостоятельные (не имеющие никакого отношения к Шолохову) очерки «Тихий Дон». Обязательная научная статья Владимира Запелова о жизненном и творческом пути И. А. Родионова, случайно обнаруженная в двух петербургских библиотеках книга очерков «Тихий Дон» окончательно разведали легенду и позволили вычеркнуть его имя из списка потенциальных авторов шолоховского романа.

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

«ТИХИЙ ДОН» ИЗ СПЕЦХРАНА РАЗВЕЯНА ЕЩЕ ОДНА ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

народ, который, как утверждал автор в предисловии, «спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться». По мнению Родионова, «народ брошен, и беспомощный, невежественный, представлен собственной бедной судьбе. Если вовремя не прийти к нему, то исход один — бедна, провал, дно».

Повесть Родионова вызвала бурю противоречивых откликов современной ему критики.

Обнаруженная Запеловым в спецхране книга Родионова «Тихий Дон» была издана в Петрограде в 1914 году. Одним из первых (если не самым первым) писатель поднимает голос против губительных законодательных актов правительства, в защиту казачества. Здесь он критикует уже покойного П. Столыпина, который ввел на Дону жестокий избирательный закон, когда выдвинутые в Думу депутаты не представляли интересов казачьего населения. Родионов обращает внимание на то, что при такой законодательной политике казак не сможет, как прежде, выполнять главную свою обязанность — служить царю и отечеству. Если официальная советская историография утверждала позже, что казаки потопили революцию в крови, Родионов в «Тихом Доне» отстаивал прямо противоположную мысль — казаки спасли Россию. Несмотря на определенную запальчивость и переклесты в этих историко-публицистических очерках, писатель стоит здесь на позициях государственника, ратует за со-

области пришлыми инородцами, притесняющими коренных казаков. В этом он видит истоки будущего жестокого конфликта, массовых волнений и оказывается в известном смысле пророческим. Будучи яркой и самобытной личностью в обиходе донских писателей — П. Краснова, Р. Кумова, Ф. Крюкова — Родионов оказался одним из генетических предшественников М. А. Шолохова.

Учитывая скудные архивные данные, проследить за крайне противоречивой и изломанной биографией донского казака и писателя Ивана Родионова оказалось далеко не простым делом — в годы первой мировой войны он принимает участие в боевых действиях, затем редактирует газету Юго-Западного фронта «Армейский вестник». Оставив в 16-м пост редактора, есаул Родионов устремляется в Петроград, где становится участником корниловского заговора, сблизившись с Корниловым, Деникиным, Лукомским и другими деятелями Белого движения. Именно тогда, как установил Запелов, Родионов вписал в быховский альбом горькие строки: «В России пир во время чумы, при зареве пожаров, под рев осатанелой толпы, под аккомпанемент немецких пушек... Но не вечна ночь, за нею следует день. Тяжко думать, что розоветь начнет земля, когда от великой русской земли останутся одни жалкие лохмотья...»

После освобождения из быховской тюрьмы в октябре 1917